

Элеонора
МАКСВЕЛЛ

ОНА ДОЛЖНА
ИГРАТЬ ЕГО НЕВЕСТУ.
НО ЗА ЭТУ РОЛЬ
МОЖНО ЗАПЛАТИТЬ
ЖИЗНЬЮ.

ДВОЙНАЯ

ИГРА

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Элеонора Максвелл

Двойная игра.

«Автор»

2026

Максвелл Э.

Двойная игра. / Э. Максвелл — «Автор», 2026

Она должна была сыграть чужую невесту. Но чужое лицо оказалось опаснее любой роли. «Двойная игра» — напряжённый современный любовный роман с элементами психологического триллера, тайнами богатой семьи, фиктивным браком, опасным миллиардером и героиней, которая слишком поздно понимает: её выбрали не случайно. В мире роскоши, закрытых домов и безупречных улыбок любовь может оказаться ловушкой, защита — пленом, а правда — смертельно опасной. Для читателей, которые любят романы о сильных чувствах, властных героях, семейных тайнах, расследованиях, психологическом напряжении и любви, которая рождается там, где доверять почти невозможно.

© Максвелл Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Роль стоимостью в жизнь	5
Глава 2. Дом за чёрными воротами	13
Глава 3. Женщина на фотографии	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Двойная игра.

Глава 1. Роль стоимостью в жизнь

В тот день Лея Морозова опоздала на кастинг ровно на семь минут, но в маленьком душном коридоре продюсерского центра эти семь минут уже успели превратиться в приговор. Женщина за стойкой регистрации даже не подняла на неё глаз, когда Лея, стараясь не дышать слишком шумно после спешного подъёма по лестнице, назвала фамилию и роль, на которую пришла пробоваться.

В ответ она услышала вежливое, почти равнодушно: «Группа уже закрыта». Не «подождите», не «сейчас уточню», не «возможно, вас ещё примут», а именно закрыта — как дверь,

которую перед тобой захлопнули не с силой, а буднично, потому что таких, как ты, за день проходит слишком много, чтобы каждый раз тратить на сочувствие хотя бы секунду.

Лея всё же осталась стоять у стойки, хотя прекрасно понимала, что выглядит жалко. Пальцы сами ждали тонкий ремешок сумки, на котором уже давно начала трескаться искусственная кожа. Она могла бы улыбнуться, извиниться, повернуться и уйти красиво, будто ничего не произошло, как это делают женщины, которые умеют сохранять достоинство даже в проигрыше. Она умела так делать. По крайней мере, на сцене. В жизни же достоинство часто зависело от того, сколько денег осталось на карте и придёт ли сегодня очередное сообщение от банка с напоминанием о просрочке. Поэтому Лея стояла ещё несколько секунд, глядя на закрытую белую дверь с табличкой «Кастинг-зал № 3», за которой решались чужие маленькие судьбы, и пыталась убедить себя, что эта роль ей всё равно была не нужна. Реклама премиального шампуня, улыбка в камеру, два дня съёмок, гонорар после утверждения, никакого искусства. Но два дня съёмок означали бы оплату лекарств для матери, часть аренды и хотя бы одну неделю без звонков с незнакомых номеров.

Когда она вышла на улицу, моросил мелкий дождь, такой незаметный и настойчивый, что зонтик казался бесполезным, а волосы всё равно начинали пушиться у висков. Москва в такую погоду выглядела усталой, серой, раздражённой на всех, кто пытался в ней выжить. Лея остановилась под козырьком, достала телефон и некоторое время смотрела на тёмный экран, не решаясь включить его. Она знала, что там будет. Пропущенный звонок из клиники. Сообщение от хозяйки квартиры. Уведомление из банка. Возможно, ещё одно письмо от театральной студии, где она когда-то мечтала преподавать подросткам актёрское мастерство, а теперь должна была деньги за аренду помещения, которое так и не стало местом её новой жизни.

Телефон ожил в ладони почти сразу, как только она нажала на боковую кнопку. Экран наполнился чужими требованиями, и Лея вдруг почувствовала, что ей хочется не плакать, не злиться, не звонить кому-то за поддержкой, а просто исчезнуть на несколько часов из этой цепочки обязательств, где каждое следующее звено тянуло вниз сильнее предыдущего. Она провела пальцем по уведомлениям, не открывая их, и остановилась только на сообщении от матери: «Леечка, как прошёл кастинг? Не переживай, если что. Я сегодня лучше». Мать всегда писала, что ей лучше, даже когда говорила хриплым голосом, даже когда после процедур лежала с закрытыми глазами и делала вид, что просто устала. В этой фразе было столько привычной материнской лжи, что Лея на мгновение закрыла глаза и прислонилась затылком к холодной стене.

Она набрала ответ не сразу. Сначала написала: «Не взяли». Потом стерла. Потом: «Ещё не знаю». И это тоже стерла, потому что надежда, даже маленькая и выдуманная, требовала продолжения, а продолжать было нечем. В итоге отправила: «Всё нормально. Потом расскажу». Сообщение ушло, и от этого стало ещё хуже, потому что «всё нормально» в их жизни давно означало только одно: пока держимся.

До дома Лея решила идти пешком, хотя дорога занимала почти час. Ей нужно было растянуть время между провалом и возвращением в квартиру, где на кухонном столе лежали квитанции, а на спинке стула висело платье для следующего прослушивания, купленное в секунде и перешитое ночью вручную. На улице она автоматически выпрямила спину и пошла так, будто не была человеком, которому только что отказали даже в возможности попробовать. Эта привычка выработывалась годами. В актёрских училищах учат владеть телом, голосом, взглядом, но никто не объясняет, как потом жить, когда всё это умение требуется не для роли, а для того, чтобы не распасться посреди тротуара.

Когда-то Лее казалось, что талант обязательно будет замечен. Не сразу, конечно, не с первого курса, не после первых отказов, но однажды кто-нибудь увидит в ней не просто красивое лицо и не удобный типаж, а способность проживать чужую боль так, словно она собственная. Потом она поняла, что чужая боль на сцене ценится только тогда, когда у неё есть

продюсер, бюджет, связи и правильный человек в зале. Её брали на небольшие роли, звали в рекламные проекты, иногда приглашали в сериалы на эпизоды без имени, где она должна была красиво стоять у стойки бара или произнести одну фразу с нужной интонацией. Она не считала это унижением. Работа есть работа. Унижение начиналось там, где приходилось благодарить за возможность быть незаметной.

В квартире пахло влажной одеждой, кофе и пылью старого подъезда, которая проникала, казалось, даже через закрытые окна. Лея сняла туфли в коридоре, поставила сумку на пол и только потом позволила плечам опуститься. Комната была маленькая, с низким диваном, складным столом у стены и зеркалом, перед которым она репетировала монологи, улыбки и выражения лица для кастингов. Зеркало стояло напротив окна, и в пасмурном свете её отражение казалось чуть старше, чем утром. Не старым, нет, ей было всего двадцать восемь, но усталости есть особый талант: она умеет добавлять возраст не морщинами, а взглядом.

Лея включила чайник, хотя пить чай не хотелось, и открыла ноутбук. Почта загрузилась медленно, будто тоже не желала торопиться к плохим новостям. Несколько рекламных рассылок, отказ от агентства, приглашение на массовку, где гонорар едва покрывал дорогу, письмо из клиники с темой «Напоминание об оплате». Она открыла последнее и прочитала до конца, хотя цифры знала почти наизусть. Каждый раз, видя их, она испытывала странное чувство: как будто болезнь матери имела не только медицинское, но и бухгалтерское измерение, и в этом втором измерении Лея проигрывала ежедневно.

Она поставила локти на стол и закрыла лицо ладонями. В такие минуты особенно остро вспоминалась театральная студия, которую она пыталась открыть два года назад. Тогда всё казалось правильным: небольшой зал на первом этаже старого дома, афиши, первые ученики, её собственная методика, смешная гордость от того, что она наконец перестала ждать чужого разрешения и создала что-то своё. Потом заболела мать, арендодатель поднял цену, ученики разошлись на лето и не все вернулись осенью, а партнёр, обещавший вложиться в рекламу, исчез ровно в тот момент, когда появились первые долги. Студия закрылась тихо, без драмы, просто однажды Лея вынесла из зала коробку с тетрадами, масками, детскими рисунками и поняла, что мечты не всегда разбиваются громко. Иногда они просто перестают помещаться в бюджет.

Телефон снова зазвонил, и на экране высветился номер, который она уже не первый раз сбрасывала. Лея смотрела на него до тех пор, пока звонок не оборвался. Через несколько секунд пришло сообщение с требованием связаться по вопросу задолженности. Она отложила телефон экраном вниз. В комнате стало очень тихо, и в этой тишине внезапно раздался другой звук — короткое уведомление о новом письме.

Сначала Лея не придавала ему значения. Она потянулась к чашке, вспомнила, что не заварила чай, и только потом взглянула на экран. В строке отправителя значилось: «Augum Private Casting». Название ей ни о чём не говорило, но тема письма заставила задержать дыхание: «Конфиденциальное предложение. Срочный проект. Высокий гонорар».

Обычно такие письма отправлялись в корзину не открываясь. Слишком много раз за красивыми словами о закрытых проектах скрывались сомнительные вечеринки, рекламные съёмки без договора, предложения «познакомиться с инвестором» или роли, за которые платили не деньгами, а обещаниями. Но в этот раз что-то было иначе. Возможно, дело было в том, что письмо начиналось не с безличного «уважаемая актриса», а с её полного имени и отчества. Возможно, в том, что отправитель ссылался на конкретные работы, которые она почти не упоминала в портфолио. Или в сумме, прописанной ближе к середине письма так спокойно, будто речь шла не о деньгах, способных закрыть все её ближайшие долги, а о стандартном гонораре за один съёмочный день.

Лея прочитала письмо дважды. Потом третий раз, медленнее. Закрытый частный проект. Требуется профессиональная актриса с навыком длительного проживания роли в реальной

среде. Срок — от двух до четырёх недель. Полная конфиденциальность. Проживание на территории заказчика. Юридическое сопровождение. Медицинская страховка. Гонорар — половина авансом, половина после завершения. Дополнительная компенсация за соблюдение режима неразглашения. В письме не было ни названия фильма, ни имени режиссёра, ни описания роли, и именно эта пустота делала предложение не просто странным, а почти неприличным. Слишком много денег за слишком мало объяснений.

Она поднялась из-за стола и прошла по комнате. Половицы скрипнули под ногами. За стеной кто-то включил телевизор, и приглушённые голоса из чужой квартиры смешались с шумом дождя за окном. Лея остановилась перед зеркалом и посмотрела на себя так, как смотрят на актрису перед пробой, пытаясь понять, что в ней могли увидеть эти люди. Лицо у неё было выразительное, да. Большие серо-зелёные глаза, тёмные волосы, высокая линия скул, мягкий, но упрямый изгиб губ. Ей часто говорили, что внешность у неё «дорогая», и Лея не любила это слово, потому что в нём было что-то от витрины. Не красивая, не необычная, не живая — дорогая. Как вещь, которую можно удачно поставить в кадр.

Письмо требовало ответа в течение двух часов. Это тоже было нехорошим знаком. Настоящие предложения не загоняют человека в угол сроками, если не хотят, чтобы он не успел подумать. Лея знала это и всё равно не закрыла ноутбук. Сумма стояла перед глазами, превращаясь в оплаченные счета, лекарства, спокойный голос матери, ещё один месяц без унижительных просьб о переносе платежа. Она попыталась представить, как отказывается. Просто пишет: «Спасибо, меня не интересует». Ложится спать. Утром просыпается в той же квартире, с теми же долгами, тем же страхом, только ещё и с пониманием, что сама отвергла шанс, каким бы подозрительным он ни был.

В письме был указан номер для связи. Лея набрала его не сразу. Сначала открыла сайт агентства. Страница выглядела почти безупречно: минимум информации, дорогой дизайн, несколько расплывчатых формулировок о подборе артистов для частных мероприятий, корпоративных проектов, иммерсивных постановок и закрытых презентаций. Никаких фотографий сотрудников, никаких отзывов, никаких адресов, кроме юридического. Всё было слишком чисто. Настолько чисто, что казалось вымытым не для доверия, а для отсутствия следов.

Она всё же позвонила.

Голос ответившей женщины оказался низким, спокойным, уверенным. Такие голоса не просят, они заранее знают, что их будут слушать. Женщина представилась Ингой Павловной, координатором проекта, и сказала, что рада звонку Леи, словно он был не её решением, а ожидаемой частью расписания. Разговор длился меньше десяти минут. Инга Павловна не раскрыла почти ничего сверх письма, но каждое её уклонение было обёрнуто в такую безупречную вежливость, что возмущаться казалось неудобным. Проект частный. Заказчик известный человек, публичность исключена. Роль сложная, но не связана ни с чем противозаконным. Детали будут раскрыты после подписания предварительного соглашения. Отказ возможен на первом этапе, до передачи закрытой информации. Лея слушала и чувствовала, как внутри неё нарастает раздражение, потому что всё это звучало одновременно профессионально и опасно.

— Почему именно я? — спросила она наконец.

На другом конце линии возникла короткая пауза, не растерянная, а будто заранее предусмотренная.

— Ваш типаж полностью соответствует задаче. И у вас есть опыт работы в условиях импровизации.

Лея усмехнулась беззвучно. Типаж. Удобное слово, за которым можно спрятать всё, что угодно: возраст, лицо, фигуру, способность молчать, когда нужно. Она хотела спросить ещё, но Инга Павловна мягко напомнила, что время на принятие решения ограничено, и предложила встречу вечером в офисе агентства. Не завтра, не на неделе, а сегодня. Через три часа.

После звонка Лея долго сидела неподвижно, глядя на тёмный экран телефона. Ей не нравилось всё: скорость, сумма, закрытость, голос женщины, сайт без лиц, собственная готовность ехать. Особенно последняя. Она понимала, что порядочный человек в стабильном положении отложил бы телефон, посоветовался с юристом, проверил агентство, нашёл знакомых, которые могли бы что-то узнать. Но стабильное положение — это роскошь, которая позволяет быть разумным. Когда у человека за спиной долги и больной родитель, осторожность начинает торговаться с отчаянием, и отчаяние почти всегда предлагает более быстрые решения.

Она позвонила матери ближе к вечеру, уже стоя перед шкафом и выбирая, что надеть. Мать ответила не сразу, и за эти несколько гудков Лея успела представить слишком многое. Потом услышала знакомый голос, усталый, но старающийся быть бодрым, и сама выпрямилась, будто мама могла увидеть её через телефон.

— Всё хорошо, мам. Есть один проект, возможно, неплохо оплатят. Нет, не сериал. Частный заказ. Я узнаю подробности и скажу. Да, я осторожно.

Она говорила легко, почти весело, и сама слышала, как убедительно у неё получается. В этом была её профессия и её проклятие: Лея умела звучать уверенно даже тогда, когда уверенности не оставалось. Мать поверила не до конца, но не стала допытываться. Они обе давно научились беречь друг друга неполной правдой.

Офис «Aurum Private Casting» располагался не в центре, как ожидала Лея, а в тихом переулке рядом с дорогим бизнес-кварталом, в здании без вывески. На входе охранник проверил её паспорт и пропустил только после короткого звонка. Лифт поднял её на пятый этаж, двери открылись в небольшой холл с мягким светом, серыми стенами и стойкой администратора, за которой сидела молодая женщина в строгом костюме. Ничего лишнего, ничего случайного. Даже запах был нейтральным, дорогим, почти медицински чистым, как в местах, где всё рассчитано на то, чтобы человек не мог понять, чем именно его пытаются впечатлить.

Инга Павловна оказалась женщиной лет пятидесяти, очень ухоженной, с гладко убранными волосами и лицом, на котором вежливость давно стала профессиональной маской. Она встретила Лею в кабинете с большим окном и предложила кофе, от которого Лея отказалась, хотя почти ничего не ела с утра. На столе уже лежала папка с документами. Слишком толстая для обычного кастинга и слишком аккуратная для творческого проекта.

Первые полчаса были похожи на собеседование, только вопросы постепенно становились всё менее актёрскими и всё более личными. Инга Павловна спрашивала о расписании Леи, о здоровье, о родственниках, о возможности уехать из города на несколько недель, о готовности жить в закрытом пространстве, соблюдать легенду, ограничить связь с внешним миром. Лея отвечала осторожно, но скоро поняла, что многие ответы этой женщине уже известны. Когда Инга Павловна упомянула, что состояние матери Леи требует регулярных расходов, причём сделала это без тени неловкости, внутри у Леи что-то холодно сжалось.

— Вы проверяли меня? — спросила она.

Инга Павловна не стала изображать удивление.

— Заказчик не работает с людьми, о которых ничего не знает.

Эта фраза могла бы прозвучать как объяснение, но прозвучала как предупреждение. Лея посмотрела на папку, на аккуратно сложенные листы договора, на серебристую ручку, положенную ровно параллельно краю стола. Ей вдруг стало ясно, что она сидит не на кастинге. Её не выбирают. Её уже выбрали. Сейчас ей только дают возможность согласиться достаточно добровольно, чтобы потом это согласие можно было предъявить как доказательство.

— Что за роль? — спросила она. — Конкретно.

Инга Павловна раскрыла папку и повернула к ней первый лист. Там не было имени заказчика, но было описание задачи, написанное сухим юридическим языком. Лея должна была на ограниченный срок принять участие в частной семейной постановке, изображая невесту клиента на ряде закрытых мероприятий. Предполагалось изучение биографии, манер, привычек и

круга общения реального человека. В документе это называлось «имитационным сопровождением семейного статуса». Лея перечитала фразу дважды и почувствовала, как у неё невольно поднимаются брови.

— Невесту? — тихо произнесла она.

— Да.

— Живого человека?

Инга Павловна чуть заметно задержала взгляд на её лице.

— На данном этапе вам достаточно знать, что человек, чей образ необходимо воспроизвести, не сможет присутствовать лично.

Лея откинулась на спинку кресла. За окном медленно темнело, в стекле отражались её лицо и неподвижная фигура Инги Павловны. Всё это становилось слишком странным даже для мира, где богатые люди иногда покупали себе не только услуги, но и чужое время, чужие эмоции, чужое молчание. Она хотела встать. Действительно хотела. В какой-то короткий миг её тело уже почти приняло это решение: пальцы коснулись сумки, колени напряглись, взгляд нашёл дверь. Но затем Инга Павловна, словно почувствовав это движение, перевернула страницу и спокойно назвала сумму аванса.

Лея не сразу поняла, что услышала правильно. Деньги были такими, что их не хотелось произносить вслух, чтобы не разрушить возможную реальность. Половина — сразу после подписания предварительного соглашения. Вторая половина — после завершения проекта. Отдельно оплачивалось молчание. Отдельно — проживание. Отдельно — возможное продление. В таблице всё выглядело чисто, законно и почти красиво, как будто опасность можно было обезвредить аккуратными строками и печатями.

Она подумала о матери. Не образно, не в общем, а конкретно: о её тонких руках на больничном одеяле, о попытке улыбаться после процедуры, о том, как она однажды сказала, что лечение можно отложить, потому что «сейчас не время тратить такие деньги». Лея тогда рассердилась, накричала, потом плакала в ванной так тихо, чтобы мама не услышала. Теперь эта сумма лежала перед ней на бумаге, и отказаться от неё значило снова вернуться в ту ванную, к тому же беспомощному шёпоту над раковиной.

— Это законно? — спросила Лея, хотя уже понимала, что вопрос слишком слабый для происходящего.

— Абсолютно, пока вы соблюдаете условия договора.

Слово «пока» осталось в воздухе дольше, чем остальные. Лея заметила его, как актриса замечает неправильно поставленную паузу. Она всегда хорошо слышала такие вещи. Люди редко выдают себя прямыми признаниями; чаще — интонацией, лишним уточнением, взглядом в сторону. Инга Павловна была слишком опытной, чтобы ошибаться случайно. Значит, слово было оставлено намеренно.

Ей дали время подумать в соседней комнате. Формально — пятнадцать минут. На деле эти пятнадцать минут должны были стать тем коридором, из которого она выйдет уже с решением, за которое потом будет отвечать сама. Комната была почти пустой: диван, столик, графин с водой, несколько журналов о бизнесе и искусстве. Лея подошла к окну. Внизу блестела мокрая улица, машины двигались медленно, люди под зонтами торопились по своим понятным маршрутам. Она смотрела на них и думала, что у каждого человека есть своя точка, после которой он начинает оправдывать то, что раньше счёл бы невозможным. Для кого-то это любовь. Для кого-то страх. Для неё, вероятно, это была усталость от постоянного выбора между плохим и ещё худшим.

Она попыталась представить эту роль как обычную работу. Актёры играют чужих людей, говорят чужие слова, надевают чужую одежду. Разница только в том, что здесь сцена будет не обозначена рампой, а зрители не будут знать, что перед ними спектакль. В этом и заключалась неправда, от которой становилось неприятно. Лея не любила обманывать людей вне сцены. На

сцене обман честен, потому что все пришли за ним добровольно. Здесь же её просили войти в чужую семью, чужую историю, чужое доверие и сделать вид, что она имеет на это право.

Телефон завибрировал. Сообщение от клиники. Короткое, деловое напоминание о ближайшей оплате. Лея прочитала его и почти сразу выключила экран. Всё решение, которое она пыталась обдумать, стало вдруг простым до жестокости. Не потому, что она перестала видеть опасность. Наоборот, она видела её слишком ясно. Но опасность была впереди, а деньги нужны были сейчас. И это «сейчас» победило всё остальное.

Когда она вернулась в кабинет, Инга Павловна не спросила, что она решила. Просто подвинула к ней ручку. Лея села, взяла договор и начала читать. Некоторые пункты были написаны таким языком, что смысл приходилось выцарапывать из фраз почти физически. Неразглашение. Штрафы. Ограничение контактов. Обязательство следовать инструкциям координатора и представителя заказчика. Запрет на самостоятельное прекращение участия после раскрытия полной информации о проекте. Возможность временного хранения личных документов для оформления допуска на закрытую территорию. Последний пункт заставил её остановиться.

— Документы? — спросила она.

— Копии и оригинал паспорта на период оформления. Это стандартная процедура для объекта с повышенным уровнем безопасности. Вам всё вернут.

Лея посмотрела на неё долго. Инга Павловна выдержала взгляд спокойно. Наверное, так смотрят люди, которые привыкли покупать чужие сомнения раньше, чем те успевают стать отказом.

— Я могу позвонить юристу?

— Разумеется. Но до подписания соглашения мы не можем раскрыть детали, а после раскрытия вступают в силу обязательства о неразглашении.

Ответ был идеален. Вежливый тупик. Лея почувствовала почти профессиональное восхищение тем, как красиво он построен. У неё оставалась свобода, но пользоваться ею было бессмысленно. Можно было сделать шаг назад, только если не смотреть на цифры, на сообщения из клиники, на собственную жизнь, которая всё сильнее напоминала плохо поставленный спектакль с одним и тем же финалом.

Она подписала не сразу. Сначала провела пальцем по нижнему краю страницы, выровняла лист, будто от этого договор становился менее опасным. Потом поставила подпись. Своя фамилия на бумаге выглядела неожиданно хрупкой. Лея Морозова. Ещё не чужая невеста, ещё не чья-то ложь, ещё человек, который может встать и уйти. Но, подписывая вторую страницу, она уже понимала, что это ощущение свободы запаздывает. Иногда дверь закрывается не тогда, когда слышишь щелчок замка, а тогда, когда сам делаешь шаг внутрь.

Инга Павловна забрала документы и впервые за весь вечер улыбнулась чуть теплее.

— Завтра утром за вами приедет машина. Возьмите вещи на месяц. Одежда для проекта будет предоставлена. Личные средства связи пройдут настройку безопасности. С этого момента желательно никому не сообщать подробностей.

— Я и сама их не знаю, — сказала Лея.

— Узнаете достаточно.

Эти слова почему-то оказались страшнее прямой угрозы. Лея вышла из офиса уже в темноту. Дождь закончился, асфальт блестел под фонарями, и город казался не серым, а чёрным с золотыми прожилками света. На телефон пришло уведомление из банка: на счёт поступил аванс. Сумма была настоящей. Такая настоящая, что Лея остановилась прямо у обочины и несколько секунд просто смотрела на экран, не чувствуя ни радости, ни облегчения. Деньги пришли слишком быстро. До того, как она успела передумать. До того, как успела испугаться по-настоящему.

Она вернулась домой поздно. В квартире всё было тем же: складной стол, зеркало, платье на спинке стула, чашка с так и не заваренным чаем. Только теперь это привычное пространство показалось ей временным, будто она уже начала из него исчезать. Лея достала старый чемодан с антресоли, открыла шкаф и стала складывать вещи аккуратно, почти машинально. Несколько платьев, бельё, косметичка, удобные туфли, тёплый кардиган, который когда-то связала мать. Она не знала, что нужно человеку, нанятому изображать чужую невесту в доме миллиардера. Наверное, ничего из того, что у неё было.

Позже она долго сидела на полу рядом с открытым чемоданом и слушала, как за стеной стихает чужой телевизор. Сон не приходил. Мысли тоже не складывались в ясную линию. Она понимала только одно: завтра утром за ней приедет машина, отвезёт в место, где её будут учить быть другой женщиной, и за это ей уже заплатили столько, что отказаться станет почти невозможно. Лея попыталась назвать происходящее работой, но слово не удержалось. Попыталась назвать авантюрой, но оно было слишком лёгким. Сделкой — ближе, но тоже не совсем. Сделка предполагает равенство сторон, а она чувствовала, что находится за столом, где правила написаны задолго до её появления.

Перед сном она подошла к зеркалу. В тусклом свете настольной лампы её лицо казалось незнакомым. Лея долго смотрела на себя, стараясь запомнить именно такой: без дорогой одежды, без чужого имени, без легенды, которую ей только предстояло выучить. Её учили, что актёр должен уметь входить в роль полностью, не оставляя на поверхности ничего лишнего. Но сейчас эта профессиональная истина вдруг показалась опасной. Потому что завтра роль, возможно, войдёт в неё глубже, чем она позволит.

Она выключила свет, легла, не раздеваясь до конца, и положила телефон рядом с подушкой. На экране ещё раз мигнуло банковское уведомление, подтверждая, что всё произошло на самом деле. Лея закрыла глаза и впервые за много месяцев не думала о том, где взять деньги. Вместо этого она думала о другом: почему люди, способные заплатить такую сумму за несколько недель чужой игры, выбрали именно её.

Ответа не было. Только тихий шум машин за окном и странное, почти физическое ощущение, что где-то далеко уже открылась дверь в дом, которого она никогда не видела, но который с завтрашнего дня начнёт называть её чужим именем.

И, прежде чем провалиться в тяжёлый короткий сон, Лея вдруг поняла с ледяной ясностью: она подписала не контракт на роль. Она подписала разрешение войти в чужую жизнь — и ещё не знала, выпустят ли её обратно.

Глава 2. Дом за чёрными воротами

Машина приехала ровно в девять, и эта точность почему-то показалась Лее не признаком уважения, а первым проявлением чужого порядка, в который её начали втягивать ещё до того, как она успела выйти из квартиры. Она почти не спала, но утром всё равно поднялась раньше будильника, долго стояла под душем, пытаясь смыть с себя тяжесть вчерашнего вечера, потом собрала чемодан заново, потому что ночная укладка вещей казалась теперь слишком беспомощной и хаотичной. Она добавила ещё одно платье, убрала старую кофту, снова положила её обратно, сложила в боковой карман зарядку, документы, блокнот, в котором обычно записывала наблюдения за людьми, и маленькую фотографию матери, сделанную прошлым летом на даче у знакомых. Мать там улыбалась, шурясь от солнца, и выглядела так, будто никакой болезни ещё не существовало. Лея несколько секунд держала снимок в руках, прежде чем спрятать его между страницами блокнота, словно боялась, что чужой дом, куда её везут, способен отнять даже это.

У подъезда стоял чёрный автомобиль с затемнёнными стёклами, слишком дорогой и слишком неподвижный для их двора, где машины обычно были покрыты пылью, следами дождя и мелкими царапинами городской жизни. Соседка с первого этажа как раз выносила мусор и остановилась на секунду, пытаясь понять, к кому приехал такой автомобиль. Лея почувствовала на себе её взгляд и вдруг почти рассердилась: ей захотелось выглядеть женщиной, за которой присылают машины не потому, что она в отчаянии подписала сомнительный контракт, а потому, что так и должно быть. Она выпрямилась, взяла чемодан увереннее и спустилась по ступенькам медленно, без суеты, хотя внутри всё было напряжено до звона.

Водитель вышел сразу. Высокий мужчина в тёмном костюме, без выражения на лице, с вежливостью, от которой становилось ясно: он не собирается вступать ни в какие человеческие отношения, кроме необходимых. Он назвал её по имени и отчеству, взял чемодан, открыл заднюю дверь. Всё происходило так гладко, что у Леи возникло неприятное ощущение: её не встречают, а забирают по заранее утверждённому маршруту. Она села в машину, и мягкий кожаный салон сомкнулся вокруг неё почти бесшумно. Дверь закрылась с глухим дорогим звуком, отрезав двор, подъезд, соседку, мокрый асфальт, все признаки обычной жизни, которая ещё вчера казалась тяжёлой, но хотя бы принадлежала ей.

Первые двадцать минут они ехали по городу, и Лея смотрела в окно, стараясь запомнить дорогу. Это было скорее инстинктивно, чем разумно. Она знала Москву достаточно хорошо, чтобы понимать: машины с такими стёклами и такими водителями не теряются случайно, а если кто-то не хочет, чтобы ты знала точный адрес, то одних воспоминаний о поворотах будет мало. Но всё равно она отмечала проспекты, мосты, рекламные щиты, выезды на трассу, редкие вывески заправок. Ей хотелось удержать хоть какую-то связь с реальностью, где пространство подчиняется карте, а не воле человека, заплатившего за твоё исчезновение на месяц.

Водитель молчал. Телефон Леи лежал в сумке, и она несколько раз тянулась к нему, чтобы написать матери, но каждый раз останавливала себя. Что написать? «За мной приехали»? «Еду в закрытый дом к незнакомым людям»? «Не волнуйся, мне заплатили достаточно, чтобы всё выглядело почти законно»? Вчера она сказала матери, что проект может занять несколько недель, что связь будет нестабильной, что это не опасно. Лея произносила эти слова лёгким голосом, с которым когда-то читала рекламный текст о семейном йогурте, и мать, как всегда, сделала вид, что верит. Теперь эта ложь сидела в груди плотным комком. Она могла оправдать себя деньгами, лечением, необходимостью, но от этого ложь не становилась меньше.

Город постепенно отступал. Высотки сменились торговыми центрами, потом редкими посёлками, длинными заборами, аккуратными въездами в коттеджные поселки, где охрана смотрела на машины так, будто мир за воротами был заведомо подозрителен. Дождя не было, но небо оставалось низким, серым, плотным, и влажные деревья вдоль дороги казались темнее обычного. Лея вдруг подумала, что для человека, которого везут играть невесту миллиардера, утро должно было бы быть блестящим, почти кинематографичным, с солнцем на стекле и предчувствием роскоши. Вместо этого было ощущение, что её перевозят через невидимую границу, за которой не действуют прежние правила.

Через час машина свернула с основной трассы на узкую частную дорогу. Здесь уже не было случайных домов и магазинов, только лес по обе стороны, ровный асфальт, камеры на высоких столбах и редкие фонари, которые днём выглядели лишними. Лея заметила первый пост охраны, потом второй. На каждом автомобиль останавливался ненадолго, водитель опускал стекло, кто-то проверял документы или номер, хотя, скорее всего, всё уже было согласовано заранее. С каждым таким остановом у неё сильнее холодели руки. Она пыталась убедить себя, что повышенная безопасность естественна для богатых людей, что у них своя логика, свои страхи, свои заборы, но эта логика слишком легко превращалась в ловушку для человека, который въезжал внутрь не как гость и не как хозяйка, а как нанятая ложь.

Чёрные ворота появились неожиданно, хотя дорога явно вела к ним с самого начала. Они были высокими, массивными, без лишнего декора, и от этого выглядели не роскошно, а окончательно. По обе стороны тянулась каменная стена, уходившая в лес так далеко, что Лея не смогла увидеть, где она заканчивается. Ворота открылись бесшумно, будто дом за ними не хотел тратить даже звук на подтверждение своей власти. Машина проехала внутрь, и Лея почувствовала странное, почти физическое давление: не страх ещё, не паника, а ясное понимание, что выйти отсюда по собственному желанию будет гораздо сложнее, чем войти.

Дорога к особняку оказалась длинной. Сначала они ехали вдоль липовой аллеи, потом мимо идеально подстриженных газонов, серого зеркала пруда, низких построек, которые могли быть гостевыми домами или служебными корпусами. Всё было безупречно ухожено и почти лишено жизни. Не бегали собаки, не виднелось садовников в грязных перчатках, не было случайно оставленных вещей, распахнутых окон, детского велосипеда у крыльца — ничего, что выдавало бы человеческое присутствие, не отрететированное заранее. Дом возник в конце аллеи как продолжение этого порядка: большой, светлый, с тёмной крышей, широкими окнами и колоннами, но без показной дворцовой вычурности. Он не пытался понравиться. Он просто стоял на своём месте, уверенный, что всё вокруг уже принадлежит ему.

Машина остановилась у парадного входа. Дверь открыли раньше, чем Лея успела потянуться к ручке. На ступенях её встретила женщина лет сорока пяти в строгом тёмном платье, с собранными волосами и лицом, на котором приветливость была отмерена ровно настолько, насколько требовал протокол. Она представилась Еленой Андреевной, управляющей домом, и попросила передать личный телефон для настройки защищённого режима связи. Сказано это было так мягко, что формально Лея могла бы отказаться, но пауза после просьбы была слишком короткой: рядом уже стоял молодой сотрудник службы безопасности с небольшим планшетом в руках.

Лея достала телефон медленно. Ей не хотелось устраивать сцену на пороге, не хотелось выглядеть провинциальной дурочкой, которая испугалась правил богатого дома. Но когда аппарат исчез в чужих руках, она вдруг почувствовала себя гораздо более одинокой, чем в машине. Телефон был не просто средством связи. В нём были контакты, фотографии, сообщения матери, календарь с напоминаниями о платежах, случайные заметки, обрывки её настоящей жизни. Его забрали вежливо, без насилия, но это всё равно было похоже на первый снятый слой кожи.

— Вам всё вернут после настройки, — сказала Елена Андреевна. — Господин Верес ожидает вас в кабинете через сорок минут. Сначала я покажу вашу комнату.

Господин Верес. Имя прозвучало без имени, как титул. Лея кивнула и пошла за управляющей в дом. Чемодан уже унёс кто-то из персонала, и она не заметила когда. Это тоже было частью местной безупречности: вещи исчезали из рук, двери открывались сами, люди появлялись и уходили без лишних шагов, оставляя после себя ощущение, что дом работает как сложный механизм, где у каждой детали есть функция, но нет права на случайность.

Внутри особняк оказался не менее сдержанным, чем снаружи. Просторный холл с высоким потолком, лестница из светлого камня, глубокие ковры, картины в тонких рамах, огромные окна, за которыми виднелся мокрый сад. В этом пространстве было много денег, но почти не было тепла. Лея видела богатые интерьеры на съёмочных площадках и в домах людей, которые приглашали актёров на частные мероприятия, но здесь роскошь не просила восхищения. Она держала дистанцию. Диваны стояли так, будто на них не принято сидеть слишком расслабленно. Цветы в вазах выглядели свежими, но не радостными. Даже свет был рассчитан идеально: мягкий, дорогой, подчёркивающий фактуру камня и дерева, но не оставляющий уголков, где можно было бы спрятаться от чужого взгляда.

Лея почти сразу заметила камеры. Не все, конечно; наверняка многие были скрыты лучше. Но несколько маленьких тёмных полусфер под потолком, тонкие линии датчиков у

дверей, незаметные панели рядом с проходами выдавали уровень контроля. Елена Андреевна ничего не объясняла, а Лея не спрашивала. Ей казалось, что если она начнёт задавать вопросы сейчас, то получит ответы, которые окончательно лишат её возможности притворяться, будто всё это обычная работа.

Комната, предназначенная для неё, находилась во втором крыле, на втором этаже. Не спальня — апартаменты. Светлая гостиная, отдельная гардеробная, ванная с мраморной столешницей, широкая кровать у окна, из которого открывался вид на сад и дальнюю линию леса. На первый взгляд всё было роскошно и удобно. На второй — слишком подготовлено. В шкафу уже висели платья в защитных чехлах, на туалетном столике стояли новые кисти, косметика, флаконы духов, рядом лежал планшет с расписанием. Даже цветы были подобраны так, будто кто-то знал, какой оттенок не будет спорить с её лицом.

Лея остановилась у гардеробной. На одной из вешалок висело платье из мягкой молочной ткани, почти свадебное по настроению, но достаточно сдержанное, чтобы называться дневным. Она не прикасалась к нему, только смотрела. Вчера она складывала в чемодан свои вещи, думая, что сможет привезти сюда хотя бы часть себя, но теперь стало ясно: её собственная одежда в этом доме не понадобится. Здесь уже всё решили за неё, вплоть до того, каким запахом она должна пахнуть и в каком цвете выглядеть убедительнее.

— Ваши личные вещи разберут и разместят в шкафу, — сказала Елена Андреевна. — Если что-то понадобится, сообщите мне или ассистенту.

— Я сама могу разобрать чемодан.

Управляющая посмотрела на неё без раздражения, но с лёгким удивлением, будто Лея попросила помыть пол в бальном зале.

— Как вам будет удобно.

Это «как вам будет удобно» прозвучало не как уступка, а как маленькое исключение, которое дом готов сделать для новичка. Лея почувствовала, что ей нужно удержать хотя бы это. Чемодан. Собственные вещи. Право самой решить, в какой ящик положить бельё и куда спрятать фотографию матери. Нелепое право, почти смешное на фоне подписанного договора, но сейчас оно казалось важным.

Когда управляющая ушла, Лея закрыла дверь и осталась одна. Первым делом она проверила замок. Дверь открывалась изнутри легко. Потом подошла к окну. Оно тоже открывалось, но за ним был не балкон, а широкий выступ фасада и два этажа до земли. Внизу шла дорожка, по которой медленно проходил охранник с гарнитурой у уха. Лея отступила. В комнате было тихо, но не так, как бывает в пустом помещении. Это была тишина наблюдения. Она не могла доказать, что за ней смотрят прямо сейчас, но тело уже вело себя так, будто смотрят: движения становились точнее, выражение лица осторожнее, даже дыхание казалось слишком громким.

Она разобрала чемодан сама. Повесила свои платья в самый дальний угол гардеробной, где они сразу стали выглядеть дешевле, чем были, положила кардиган на полку, спрятала фотографию матери в блокнот и убрала его в тумбочку. Деньги на счёте могли оплатить лечение, но не могли объяснить матери, почему её дочь оказалась в доме, где даже одиночество было обставлено чужой волей. Лея села на край кровати и впервые за утро позволила себе устать. Всё происходило быстро, но не суматошно; наоборот, именно отсутствие суеты пугало больше всего. Так действуют люди, которые не сомневаются.

Через сорок минут за ней пришли. Не Елена Андреевна, а тот самый молодой сотрудник службы безопасности, который забирал телефон. Он вернул аппарат в тонком чёрном чехле, которого раньше не было, и объяснил, что связь с внешними номерами временно ограничена, но список разрешённых контактов можно согласовать. Лея включила экран. Мамино имя осталось в контактах, и от этого стало чуть легче, хотя она понимала: возможность звонить ещё не означает свободу говорить.

Кабинет Артёма Вереса находился в другом крыле дома. По дороге Лея успела увидеть длинную галерею с портретами, закрытую дверь музыкальной комнаты, зимний сад за стеклянной перегородкой и несколько человек из персонала, которые здоровались с ней так, будто уже знали, какую роль она будет играть, но не имели права показывать любопытство. Это было особенно неприятно. В обычной жизни чужое любопытство раздражает, здесь же его отсутствие делало её частью тайны, которую все приняли к сведению заранее.

Перед массивной дверью охранник остановился, коротко постучал и открыл, не дожидаясь явного ответа. Лея вошла.

Кабинет был большим, но не подавляющим. Тёмное дерево, стеллажи с книгами, длинный стол у окна, несколько экранов на боковой панели, низкий кожаный диван, на котором никто, кажется, не отдыхал. За окном виднелся сад, но Артём Верес стоял не у окна, как можно было ожидать, а у стола, просматривая бумаги. Он поднял голову не сразу, и в этой задержке не было невежливости. Скорее, привычка человека, для которого чужое ожидание не имеет значения, пока он не решил обратить на него внимание.

Лея видела его фотографии в интернете, когда ночью пыталась найти хоть что-то о заказчике, но фотографии оказались бесполезны. На экране Артём Верес выглядел красивым представителем мира больших денег: строгий костюм, уверенный взгляд, фамилия, которую журналисты произносили с уважением или раздражением в зависимости от темы статьи. Вживую он был не столько красив, сколько собран до опасности. Высокий, тёмноволосый, с резкими чертами лица и внимательными глазами, в которых не было ни приветствия, ни интереса мужчины к женщине. Он смотрел на неё так, как смотрят на важный, но сложный элемент плана: оценивая пригодность, риски, возможные отклонения.

Лея вдруг почувствовала странное облегчение. Ей было бы хуже, если бы он улыбнулся, попытался очаровать, сыграл щедрого спасителя. Холодность Артёма хотя бы была честной в своей неприятности. Она позволяла не путать происходящее с романтической авантюрой.

— Лея Морозова, — произнёс он.

Не вопрос. Утверждение.

— Пока да, — ответила она, прежде чем успела решить, стоит ли дерзить человеку, в доме которого она находится.

Его взгляд задержался на ней чуть дольше. Не одобрительно и не раздражённо, скорее отмечая реакцию.

— Инга Павловна объяснила вам общие условия?

— Она объяснила достаточно, чтобы я поняла, что мне почти ничего не объяснили.

Артём закрыл папку. Движение было спокойным, но после него в кабинете словно стало тише. Он указал на кресло напротив стола, и Лея села, хотя ей не понравилось, что она сделала это сразу. Ей хотелось стоять, чтобы не чувствовать себя пришедшей на доклад, но ноги всё ещё помнили дорогу, ворота, чужую комнату, в которой она не успела стать хозяйкой даже на минуту.

— Ваша задача, — сказал Артём, — в течение ближайших недель исполнять роль Алисы Ривер, моей невесты. Сначала в закрытом семейном кругу, затем на нескольких формальных мероприятиях. Вам предоставят материалы: биографию, фотографии, записи, список людей, которых необходимо знать. От вас требуется точность, дисциплина и отсутствие самостоятельности.

Он говорил ровно, не повышая голоса, и именно эта ровность делала каждое слово жёстче. Лея слушала и пыталась удержать лицо спокойным. Невесты. Не спутницы. Не актрисы для одного вечера. Невесты человека, который сидел напротив и перечислял условия так, будто речь шла о временном назначении на должность.

— А где настоящая Алиса? — спросила она.

Пауза была короткой, но Лея заметила её. Артём не отвёл глаз, не изменился в лице, но что-то в комнате дрогнуло. Возможно, только её собственное ощущение.

— Она не сможет участвовать в ближайших мероприятиях.

— Это я уже слышала. Я спрашиваю, где она.

— Пока вам не нужно знать больше.

Лея медленно вдохнула. Внутри поднималась злость, и злость была хороша: она возвращала ей чувство собственной границы. Страх делал её маленькой, а злость распрямляла.

— Вы наняли меня изображать женщину, которая должна выйти за вас замуж. Если вы считаете, что мне не нужно знать, где эта женщина, значит, либо вы принимаете меня за идиотку, либо ситуация хуже, чем мне сказали.

Артём смотрел на неё без видимой эмоции. Человек другого склада, наверное, назвал бы её смелой. Лея не чувствовала себя смелой. Она чувствовала себя женщиной, которую поставили перед краем и теперь удивлялись, почему она спрашивает, насколько глубоко внизу.

— Вы актриса, — сказал он наконец. — Ваша работа — убедительно исполнять предложенную роль.

— На сцене. Перед зрителями, которые знают, что пришли на спектакль.

— Здесь зрители не должны знать.

— Тогда это уже не спектакль.

В его глазах впервые мелькнуло что-то похожее на раздражение, но оно исчезло быстрее, чем Лея успела в нём убедиться. Артём поднялся и подошёл к окну. Он не казался человеком, который избегает разговора; скорее, человеком, который решает, какой объём правды можно выдать, не повредив конструкции.

— Условия завещания моего отца требуют, чтобы к определённой дате я был официально помолвлен и готов к заключению брака с женщиной, одобренной семейным советом и партнёрами. Алиса Ривер соответствовала этим условиям. Её отсутствие сейчас создаёт проблемы, которые вы временно поможете решить.

Лея почти усмехнулась. Временно поможете решить. Как будто речь шла о переносе встречи или замене ведущей на закрытом приёме.

— А если я не справлюсь?

— Тогда вы не получите вторую часть гонорара.

— Это не ответ.

— Это самый мягкий ответ.

Он повернулся к ней, и Лея впервые ясно почувствовала, почему такие люди редко прибегают к прямым угрозам. Им не нужно. Их власть находится не в голосе, не в жестах и даже не в деньгах. Она в уверенности, что мир всё равно будет вынужден подстроиться под их решения. Артём Верес не пытался её пугать, и от этого становилось страшнее.

На столе лежал планшет. Он включил его, сделал несколько движений пальцами и развернул экран к Лее. На нём была фотография женщины — не портрет, скорее снимок с какого-то закрытого мероприятия. Молодая, изящная, в светлом платье, с тёмными волосами, собранными в мягкую причёску. Лея не сразу поняла, почему у неё перехватило дыхание. Сначала взгляд отметил общее сходство, то самое, из-за которого её, вероятно, и выбрали: цвет волос, овал лица, линия скул. Но потом сходство стало глубже. Не полным, не зеркальным, но достаточно сильным, чтобы внутри возникло ощущение, будто кто-то не показал ей чужую женщину, а слегка изменил её собственное отражение.

Она взяла планшет в руки. Фото было не очень крупным, но этого хватало. Алиса Ривер улыбалась кому-то за кадром, и в этой улыбке было что-то знакомое Лее до неприятного. Не выражение лица, нет, а сама манера удерживать себя в пространстве: подбородок чуть выше, плечи расслаблены, взгляд внимательный, но не открытый до конца. Так улыбаются женщины, привыкшие быть на виду и не отдавать себя полностью ни одному взгляду. Лея сама часто

улыбалась так на кастингах, когда нужно было выглядеть уверенной, не казаться нуждающейся, скрыть усталость за профессиональной мягкостью.

— Поэтому вы выбрали меня, — сказала она тихо.

— Ваша внешность подходит. Остальное придётся доработать.

Эти слова отрезвили лучше любого объяснения. Лея подняла глаза.

— Вы говорите обо мне так, будто я материал.

— Сейчас вы участница проекта, за который получаете деньги.

— Нет. Сейчас я человек, которому вы показываете женщину, похожую на неё до мурашек, и требуете стать ею, не объясняя главного.

Артём не ответил сразу. Он вернулся за стол, забрал планшет и выключил экран. Лицо Алисы исчезло, но Лея уже не могла отделаться от него. Образ остался перед глазами, как след после яркой вспышки.

— Завтра начнётся подготовка, — сказал он. — Елена Андреевна займётся бытовыми вопросами. Марк Сафронов, начальник моей службы безопасности, объяснит ограничения по перемещению и связи. С вами также будет работать специалист по протоколу.

— Ограничения по перемещению? — переспросила Лея.

— Дом и территория безопасны. За их пределы вы не выходите без согласования.

Она смотрела на него, и злость постепенно становилась холодной. Не вспышкой, а чем-то более опасным и устойчивым.

— То есть я не гостя. И не сотрудница. Я пленница с хорошим гардеробом.

— Вы подписали договор.

— В котором не было сказано, что меня запрут за стеной.

— Вас не запирают. Вас защищают.

— От кого?

И снова пауза. На этот раз длиннее. Артём опустил взгляд на бумаги, будто вопрос был несложным, но ответ на него требовал слишком многого.

— От ошибок, — сказал он. — В том числе ваших.

Лея почти рассмеялась, но смех застрял где-то в горле. Вся ситуация была настолько абсурдной, что в ней уже не находилось места обычной реакции. Её привезли в особняк, забрали телефон, поселили в комнате с чужими платьями, показали женщину, похожую на неё как тревожный сон, и теперь называли это защитой от её собственных ошибок.

Она поднялась.

— Я хочу связаться с Ингой Павловной и обсудить расторжение договора.

— Это возможно до раскрытия закрытой информации.

— А вы считаете, что уже раскрыли её?

— Достаточно.

Слово упало между ними спокойно и окончательно. Лея поняла, что спорить сейчас бесполезно. Не потому, что он прав, а потому, что у него подготовлены ответы, люди, договоры, охрана, стены. У неё были только голос и ещё не до конца сломанное чувство собственного достоинства.

— Тогда мне нужен юрист.

— Заявку передадут.

— Мой юрист.

— После согласования канала связи.

Она кивнула, хотя кивок вышел почти незаметным. Внутри всё сжалось, но лицо оставалось спокойным. Наверное, это и было самым важным из того, чему её научила профессия: даже когда внутри рушится сцена, зритель не должен видеть, как дрожат декорации.

У двери Лея остановилась и обернулась.

— Вы ведь понимаете, что я не Алиса.

Артём посмотрел на неё так внимательно, будто именно эта фраза впервые была для него важной.

— Пока это не имеет значения.

Она вышла из кабинета, не ответив. В коридоре её ждал тот же сотрудник службы безопасности, но теперь его присутствие воспринималось иначе. Не сопровождение. Надзор. Лея шла обратно через галерею, мимо портретов, мимо закрытых дверей, мимо окон, за которыми сад был слишком ухоженным, чтобы в нём можно было заблудиться по-настоящему. Дом больше не казался просто роскошным. Он начал проявлять вторую структуру — невидимую, но жёсткую: маршруты, допуски, взгляды, ограничения, чужие решения. Всё здесь было устроено так, чтобы человек мог чувствовать себя удобно, пока не захочет сделать шаг не туда.

В своей комнате она закрыла дверь и несколько секунд стояла, прислонившись к ней спиной. Сердце билось слишком быстро. Она попыталась позвонить матери, но телефон показал короткое уведомление о недоступности внешней линии до завершения настройки. Тогда Лея открыла список контактов, нашла мамино имя и просто смотрела на него, как будто от этого могла стать ближе к прежней жизни.

Потом она подошла к гардеробной и резко отдернула чехол с одного из платьев. Ткань мягко скользнула вниз, открывая нежное голубое платье, дорогое, безупречно сшитое, явно подобранное не для неё, а для образа, который ей предстояло носить. На маленькой бирке внутри была вышита буква «А». Лея провела пальцем по этой букве и сразу отдернула руку.

Алиса.

Имя, которое ещё утром было для неё просто частью задания, теперь стало почти присутствием. Женщина с фотографии. Невеста Артёма Вереса. Та, чьё отсутствие создавало «проблемы». Та, чьи платья висели в шкафу так, будто хозяйка могла вернуться в любую минуту.

Лея села на пол прямо у гардеробной, среди чужой дорогой одежды, и впервые позволила страху подняться достаточно высоко, чтобы признать его. Она не знала, где Алиса. Не знала, почему её нельзя показать семье. Не знала, почему Артём говорил об этом так, словно каждое лишнее слово могло разрушить не только его планы, но и чью-то жизнь. Она знала только, что сходство между ними было не случайной рабочей деталью, а центром всей этой странной конструкции.

За окном начало темнеть. Дом не стал уютнее с наступлением вечера; наоборот, в мягком свете ламп он казался ещё более замкнутым. Где-то далеко, за стенами и лестницами, жили люди, которые знали правила этой игры. Лея пока знала только свою роль, да и ту — слишком поверхностно. Она должна была стать чужой невестой. Должна была улыбаться людям, которые, возможно, знали Алису с детства. Должна была смотреть на Артёма так, будто между ними есть история, хотя всё, что между ними было, — это договор и холодный кабинет.

Она поднялась не сразу. Сначала заставила себя дышать ровнее. Потом закрыла чехол с платьем, будто могла таким образом вернуть Алису обратно в ткань и тишину. На туалетном столике лежал планшет с расписанием, и Лея включила его. На завтра были назначены занятия с девяти утра: протокол, биография Алисы, семейные связи, поведенческие особенности, обед с Артёмом, примерка, вечернее тестирование легенды. Всё было расписано так подробно, что у неё по спине прошёл холод.

Внизу, в самом конце экрана, стояла строка: «Цель подготовки: полное соответствие образу А. Ривер к закрытому семейному ужину».

Лея медленно выключила планшет. Завтрашний день уже был распланирован за неё, но самым страшным оказалось не это. Самым страшным было то, что где-то в этом расписании, между протоколом, примеркой и чужой биографией, должно было начаться постепенное исчезновение Леи Морозовой.

Она подошла к зеркалу и долго смотрела на своё отражение. После фотографии Алисы собственное лицо перестало казаться полностью своим. В нём будто появилась возможность

другого имени, другой судьбы, другой смерти, о которой ей пока не говорили. Лея подняла руку и коснулась скулы, проверяя, настоящая ли она, эта линия, эта кожа, этот человек по ту сторону стекла.

Потом в коридоре раздались шаги. Они прошли мимо её двери и стихли, но Лея ещё долго не двигалась.

Дом за чёрными воротами принял её без шума, без грубости, почти вежливо. И именно поэтому она с полной ясностью поняла: из таких домов не сбегают сразу. Сначала они учат тебя ходить по их коридорам, пользоваться их вещами, отвечать на их имена. А потом однажды ты просыпаешься и уже не можешь доказать, что когда-то была кем-то другим.

Глава 3. Женщина на фотографии

Утро в доме Вересов началось не с будильника, а с мягкого стука в дверь, настолько деликатного, что Лея сначала решила, будто звук ей приснился. Она открыла глаза и несколько секунд не могла понять, где находится. Потолок был слишком высокий, свет из окна падал не так, как в её квартире, простыни пахли незнакомым средством для стирки, а за стеклом виднелся не соседний дом с облупленным балконом, а мокрый сад, подстриженный до той безупречной формы, которую природа сама по себе никогда не выбирает. Вчерашний вечер вернулся не сразу, а слоями: чёрная машина, ворота, кабинет Артёма, планшет с лицом Алисы, гардеробная, где чужие платья висели так спокойно, словно ждали не её, а свою настоящую хозяйку.

Она села на кровати, обхватив себя руками, и только после второго стука ответила. В комнату вошла молодая женщина с подносом. Завтрак был накрыт так, будто Лея уже давно жила в этом доме и, кто-то успел изучить её вкусы: кофе, тёплая вода с лимоном, тонкие лом-

тики фруктов, омлет, маленькая корзинка с хлебом. Всё выглядело красиво, но у Леи от этой красоты не появилось аппетита. Она поблагодарила, дождалась, пока дверь снова закроется, и несколько минут просто смотрела на поднос, чувствуя, как в ней поднимается почти детское желание отказаться от всего, что предлагает этот дом. Не есть их еду, не надевать их одежду, не пользоваться их полотенцами, не принимать удобство, которое в любой момент может быть предъявлено как доказательство её согласия.

Но тело жило в более простой реальности. Оно хотело кофе. Оно помнило бессонную ночь, вчерашнюю дорогу, долгий разговор в кабинете, напряжение, от которого мышцы спины до сих пор оставались твёрдыми. Лея взяла чашку и сделала несколько глотков, почти сядя на себя за это маленькое примирение с обстоятельствами. Дом не требовал от неё покорности грубо. Он действовал тоньше: предлагал мягкую постель, тёплый завтрак, спокойный свет, удобный халат, и всё это постепенно должно было убедить её, что происходящее не так страшно. Роскошь здесь была не украшением. Она была частью системы.

К девяти пришла Елена Андреевна. На этот раз она принесла не просто расписание, а тонкую папку в серой кожаной обложке. Лея уже успела одеться в своё тёмно-синее платье, одно из немногих, которое не выглядело совсем чужим рядом с интерьером комнаты, но управляющая всё равно задержала на нём взгляд чуть дольше обычного. Не осуждающе, скорее с профессиональной оценкой, как смотрят на деталь, которую скоро заменят более подходящей.

— Сегодня у вас вводная подготовка, — сказала она. — Сначала материалы по Алисе Ривер. Затем протокол семейного ужина. После обеда примерка. Господин Верес присоединится позже.

Лея услышала это «господин Верес» и внутренне усмехнулась. Вчера Артём говорил о ней как об участнице проекта, сегодня дом говорил об Артёме как о центре собственной системы. Всё здесь вращалось вокруг него, даже когда он отсутствовал.

— А если я хочу сначала позвонить матери?

Елена Андреевна не смутилась.

— Внешняя связь будет доступна с одиннадцати до одиннадцати тридцати. Номер вашей матери внесён в разрешённый список.

Лея посмотрела на неё, стараясь не выдать, как сильно её задела эта фраза. Разрешённый список. Её мать, её собственная мать, была внесена в список, одобренный людьми, которые ещё вчера не имели никакого права вмешиваться в её жизнь. Она могла бы возмутиться, потребовать телефон, устроить спор, но перед ней стояла не тюремщица, которую можно было поколебать эмоцией, а управляющая, выполняющая распоряжение. И спор с ней был бы похож на попытку спорить с дверным замком.

Подготовка проходила в небольшой гостиной рядом с её комнатой. Там уже стоял экран, на столе лежали папки, планшет, несколько блокнотов и аккуратно заточенные карандаши. Одна стена была занята книжными полками, другая — окнами в сад. Свет казался утренним, почти мирным, и от этого вся ситуация становилась ещё более странной. Лея села за стол, открыла первую папку и увидела имя: «Алиса Маргарет Ривер». Ниже — дата рождения, гражданство, образование, имена родителей, список школ, университет, благотворительные фонды, языки, светские мероприятия, знакомые семьи, предпочтения в одежде, привычные темы для разговоров, аллергии, любимые напитки, нелюбимые цветы, допустимые жесты, особенности мимики. Биография была не рассказана, а разобрана на элементы, как сложный механизм, который Лее предстояло собрать заново собственным лицом и телом.

Сначала она читала профессионально. Отстранённо, как актриса, изучающая роль перед первой репетицией. Алиса выросла в Женеве, часть детства провела в Лондоне, говорила на французском и английском, занималась историей искусства, курировала благотворительные аукционы, была единственной дочерью в семье старого делового партнёра Вересов. Любила закрытые мероприятия больше публичных, редко давала интервью, не переносила фамильяр-

ности и предпочитала говорить меньше, чем от неё ожидали. Лея отмечала это в голове, примеряла на себя интонации, пыталась понять темперамент женщины, которую ей нужно будет изображать. Но очень скоро профессиональная отстранённость начала давать трещины.

Слишком много деталей в папке были живыми. Не анкетными, не протокольными, а такими, которые обычно остаются в памяти только близких людей. Алиса всегда поворачивала кольцо на пальце, когда злилась, но не хотела показывать раздражение. Не пила кофе после четырёх. На официальных ужинах почти не ела сладкое, но могла взять десерт, если хозяйка дома приготовила его лично. Не любила белые лилии, потому что считала их цветами прощания. При сильном волнении касалась шеи возле ключицы, будто проверяла, на месте ли цепочка. Лея перечитывала эти строки и чувствовала неловкость, почти стыд, словно подсматривала не рабочие материалы, а чужую жизнь через замочную скважину.

Через некоторое время к ней присоединилась женщина по имени Надежда Львовна, специалист по протоколу. Она говорила мягко, не торопясь, и с самого начала вела себя так, будто работа с чужими личностями была для неё обычным делом. Она показывала видео с мероприятий, останавливала записи на паузе, обращала внимание на посадку головы Алисы, на то, как та слушала собеседника, как принимала бокал, как входила в зал рядом с Артёмом. Лея старалась смотреть внимательно, но каждый новый фрагмент усиливал то неприятное чувство, которое возникло ещё вчера в кабинете. Сходство, замеченное на одном снимке, теперь переставало быть случайностью. На видео Алиса двигалась иначе, чем Лея, спокойнее, экономнее, будто не тратила ни одного жеста без необходимости. Но в отдельных поворотах лица, во внезапной тени под скулами, в улыбке, которая появлялась не сразу, а после короткой задержки, Лея видела пугающее родство с собой.

Надежда Львовна, кажется, заметила, что её внимание изменилось.

— Первые дни всегда сложные, — сказала она, останавливая запись. — Не пытайтесь стать ею сразу. Сначала достаточно понять рисунок поведения.

Лея посмотрела на экран. Алиса стояла рядом с Артёмом на каком-то приёме. Он был в смокинге, она — в чёрном платье с открытыми плечами, сдержанная, красивая, немного отстранённая. Между ними не было видимой нежности, но была привычная дистанция людей, связанных не случайностью, а договорённостью, которую оба принимают. Артём на записи что-то говорил мужчине перед собой, Алиса слушала, и только на секунду её взгляд скользнул в сторону камеры. Лея ощутила этот взгляд почти физически. Не потому, что в нём было что-то мистическое, а потому что он был слишком живым для женщины, об отсутствии которой все вокруг говорили так осторожно.

— Где она сейчас? — спросила Лея.

Надежда Львовна закрыла папку медленно, словно этот вопрос не относился к её компетенции.

— Я занимаюсь только подготовкой.

— Все здесь занимаются только своей частью, да?

Женщина не ответила. И это молчание было красноречивее любой осторожной фразы. Лея поняла, что в доме существует распределение не только обязанностей, но и правды. Каждый знал ровно столько, сколько нужно, чтобы система работала, и никто не задавал вопросов выше своего уровня. Возможно, они привыкли. Возможно, им платили за эту привычку. Возможно, богатые дома вообще держатся на людях, которые умеют не замечать слишком многое.

После занятия Лее дали полчаса перерыва. Она могла бы позвонить матери, но неожиданно не смогла. Сидела с телефоном в руках, глядя на разрешённое окно связи, и понимала, что не выдержит сейчас материнского голоса. Не сможет снова сыграть спокойствие после часов, проведённых перед лицом Алисы. Не сможет ответить на простые вопросы так, чтобы в голосе не просочилось что-то лишнее. Поэтому она написала короткое сообщение:

«Всё хорошо, сегодня много подготовки, позвоню позже». Мать ответила почти сразу: «Береги себя». Эти два слова оказались такими точными, что Лея долго не могла убрать телефон.

Во второй половине дня её повели в гардеробную, но не ту, что находилась в её апартаментах, а в отдельную комнату на первом этаже. Она была больше, чем вся её съёмная квартира, и напоминала не шкаф, а архив женской жизни, разложенной по цветам, сезонам и случаям. Платья висели в длинных рядах под мягким светом, туфли стояли за стеклом, украшения лежали в выдвижных ящиках, сумки были размещены так аккуратно, словно их никогда не брали в руки в спешке. Лея остановилась на пороге, и ей впервые стало по-настоящему тяжело дышать.

Это была не просто одежда для проекта. Это были вещи Алисы.

Она поняла это не по вышитым буквам и не по тому, как бережно к ним относились женщины из персонала. Поняла по ощущению присутствия. Здесь не было хаоса живого человека, но была сохранённая форма его существования: любимые оттенки, повторяющиеся фасоны, тонкие следы выбора. Алиса предпочитала сложные, приглушённые цвета, дорогие ткани без крика, вещи, которые подчёркивали не тело, а статус. В этих платьях не было случайного желания понравиться. Они говорили о женщине, которая знала цену взглядам и умела ими управлять.

Лее предложили примерить несколько образов для семейного ужина. Женщины работали быстро и почти бесшумно. Они подавали платья, поправляли ткань, отмечали длину, посадку, линию плеч. Лея стояла перед зеркалом и наблюдала, как её собственное отражение постепенно отдаляется. Первое платье было слишком строгим, второе делало её моложе, третье оказалось почти идеальным — глубокий изумрудный цвет, длинный рукав, мягкий блеск ткани, тонкий пояс, подчёркивающий талию. Одна из ассистенток застегнула молнию на спине, другая убрала волосы Леи назад, и зеркало вдруг показало не переодетую актрису, а женщину, которая могла бы сойти с тех видео, что ей показывали утром.

Лея не сразу отвела взгляд. Ей стало неприятно от собственной убедительности. На сцене удачное попадание в образ обычно приносило радость, азарт, ощущение профессиональной победы. Сейчас же успех пугал. Если даже она сама на мгновение увидела в зеркале не себя, то что увидят остальные? Сколько времени понадобится дому, чтобы стереть различие окончательно? И останется ли внутри неё место, куда не сможет дотянуться чужое имя?

— Очень хорошо, — сказала одна из женщин.

Лея почти резко повернулась.

— Для кого хорошо?

Ассистентка смутилась, но не ответила. Надежда Львовна, присутствовавшая при примерке, подошла ближе и внимательно посмотрела на отражение Леи.

— Для задачи, — сказала она.

Для задачи. Это слово снова вернуло её в реальность. Не женщина, не человек, не актриса даже. Задача. Пункт плана. Временная замена отсутствующей невесты. Лея сняла платье осторожно, но пальцы всё равно дрожали, когда она расстёгивала маленькие крючки у воротника. Ей казалось, что ткань удерживает её дольше, чем должна, словно не хочет отпустить.

После примерки её оставили одну на несколько минут, чтобы ассистентки принесли другие аксессуары. Лея воспользовалась этим не сразу. Сначала она стояла посреди гардеробной, прислушиваясь к удаляющимся шагам за дверью, к едва слышному гулу вентиляции, к собственному сердцу. Потом подошла к дальнему ряду шкафов, где висели чехлы с вечерними платьями. Она не знала, что ищет. Возможно, просто хотела увидеть больше, чем ей показывали. В этом доме ей постоянно выдавали правду порциями, и от этого появлялась почти физическая потребность открыть что-то самой.

В одном из ящиков лежали перчатки, тонкие шёлковые шарфы, несколько маленьких коробок. В другом — аккуратно разложенные по отделениям украшения, часть которых, веро-

ятно, предназначалась для примерки. Лея уже собиралась закрыть его, когда заметила в глубине плоскую кожаную папку, не похожую на футляр для драгоценностей. Она вытащила её осторожно. Внутри оказались фотографии.

Не официальные снимки, не те, что были в рабочих материалах, а личные. Алиса на террасе у моря, Алиса с бокалом в руке, Алиса в машине, повернувшаяся к кому-то с улыбкой. Несколько фотографий с Камиллой, которую Лея ещё не видела, но узнала по вчерашнему досью. Один снимок с Артёмом: они стояли рядом у камина, и в этом кадре он выглядел чуть менее закрытым, чем в жизни, хотя улыбки на его лице всё равно не было. Лея листала фотографии медленно, с нарастающим ощущением вторжения. Ей нужно было остановиться, положить папку обратно, забыть. Но один снимок приковал её взгляд.

Это был портрет Алисы крупным планом.

Не светский, не случайный, не сделанный во время мероприятия. Камера смотрела прямо в лицо. Волосы Алисы были распущены, глаза — чуть усталые, губы без улыбки. Свет падал сбоку, подчёркивая линию скулы, мягкую тень у виска, изгиб брови. На этом снимке исчезла разница, за которую Лея ещё пыталась держаться. Не полностью, нет. Если смотреть внимательно, можно было найти отличия: у Алисы лицо чуть тоньше, взгляд спокойнее, губы строже. Но первое впечатление било сильнее анализа. На фотографии была женщина, которая могла бы быть Леей в другой жизни. Богаче, холоднее, воспитаннее, окружённая людьми, которые называли её правильным именем. Но всё равно — слишком похожая.

Лея села на низкую банкетку, не выпуская снимок из рук. Ей показалось, что воздух в гардеробной стал плотным. Она подняла фотографию ближе к лицу и внезапно поймала себя на нелепом желании подойти к зеркалу, сравнить, убедиться, что сходство не такое сильное. Она сделала это почти против воли. Встала, подошла к большому зеркалу, подняла снимок рядом со своим отражением.

И замерла.

До этого момента она всё ещё могла объяснять происходящее типажом. Актрис подбирают по внешности. У богатых людей странные требования. Сходство можно усилить макияжем, причёской, одеждой. Но теперь, глядя одновременно на своё лицо и лицо Алисы, Лея почувствовала, как привычные объяснения одно за другим теряют силу. Это было не просто «похожа». Не просто «подходит». В их лицах была какая-то повторяющаяся ошибка природы или чьего-то замысла. Будто одна и та же линия была проведена дважды, но в разных судьбах.

Дверь открылась без стука.

Лея резко обернулась. На пороге стоял Артём. Он, видимо, пришёл не к ней, а по делам примерки, потому что за его спиной на секунду мелькнула Елена Андреевна, но задержался он сразу — взгляд упал на фотографию в руках Леи, потом на зеркало за её спиной. Впервые с момента их знакомства его лицо изменилось заметно. Не сильно, не драматично, но достаточно, чтобы Лея поняла: он тоже видит то, что она видит. И, возможно, видел это с самого начала.

Несколько секунд они молчали. Лея держала фотографию так крепко, что край начал слегка изгибаться под пальцами.

— Вы знали, — сказала она.

Артём вошёл и закрыл дверь. Не резко. Очень спокойно. Но после этого комната стала казаться меньше.

— Положите снимок.

— Вы знали, — повторила она, уже тише. — Не просто знали, что я похожа. Вы поэтому меня и привезли сюда.

— Это было очевидно с первой проверки.

Лея почти не сразу поняла смысл его слов. С первой проверки. Значит, её искали, сравнивали, оценивали, возможно, рассматривали фотографии, записи, документы. Её лицо уже

было частью чужого расчёта задолго до того, как она получила письмо от агентства. Ей вдруг стало холодно в чужом платье, которое так и осталось на ней после примерки, хотя поверх него уже набросили тонкий халат.

— А мне вы решили сказать об этом между протоколом и примеркой?

— Вам показали материалы.

— Материалы? — Она подняла фотографию. — Это не материалы. Это женщина. Где она?

Артём не ответил. Он стоял напротив, и вся его сдержанность, которая вчера казалась формой силы, теперь выглядела как стена, за которой прячут нечто слишком тёмное. Лея сделала шаг к нему. Ей было страшно, но страх уже не останавливал, а толкал вперёд. Иногда человеку нужно испугаться достаточно сильно, чтобы перестать быть осторожным.

— Она больна? Прячется? Уехала? Не хочет за вас замуж? Что с ней?

— Лея.

Он впервые назвал её по имени не как пункт в досье, а как попытку остановить. И это только сильнее её задело.

— Не надо произносить моё имя так, будто вы имеете на него право. Вы забрали меня из моей жизни, поселили среди её вещей, заставляете учить её привычки, носить её платья, смотреть на её лицо, которое почти моё. И теперь я хочу услышать ответ.

Артём опустил взгляд на фотографию. В его лице снова не было явной боли, но Лея заметила другое: усталость, спрятанную слишком глубоко, чтобы случайный человек мог её увидеть. На мгновение ей показалось, что Алиса для него не просто условие завещания и не просто исчезнувшая участница плана. Но эта мысль была слишком опасной, потому что могла вызвать сочувствие, а Лея не хотела сочувствовать человеку, который превратил её в замену.

— Алиса мертва, — сказал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.